

ИЭН БЭНКС

ВОРОНЬЯ ДОРОГА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б97

Серия «Эксклюзивная классика»

Iain Banks
THE CROW ROAD

Перевод с английского *Г. Корчагина*

Примечания *А. Гузмана*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Фerez*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств

Mic Cheetham Agency и The Marsh Agency Ltd.

Бэнкс, Иэн.

Б97 Воронья дорога : [роман] / Иэн Бэнкс ; [пер. с
англ. Г. Корчагина]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 640 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-110079-7

Роман «Воронья дорога» — самое шотландское из
всех произведений Бэнкса — очень многогранен: это и се-
мейная сага, и традиционный «роман взросления», и де-
детив.

Перед читателем разворачивается история вступления
во взрослую жизнь юноши Прентиса — история, в которой
ему предстоит пережить счастье и муку первой любви, по-
знать настоящее большое горе и даже провести смертельно
опасное расследование таинственного преступления.

Однако Бэнкс не был бы самим собой, не преврати он
«Воронью дорогу» в крепкий и пряный литературный кок-
тейль, в котором психологический реализм самым есте-
ственным образом сочетается с изощренным модерниз-
мом.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Iain Banks, 1992
© Перевод. Г. Корчагин, 2018
© Примечания. А. Гузман, 2018
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-110079-7

*Снова посвящается Энн,
и еще спасибо
Джеймсу Хейлу, Мик Читэм,
Энди Уотсону и Стиву Хаттону*

Глава 1

В этот день взорвалась моя бабушка.

Я сидел в крематории, внимал похрапыванию дяди Хеймиша под баховскую Мессу си минор и размышлял о том, что других причин для моего приезда в Галланах, кроме чьей-нибудь смерти, похоже, нет и быть не может.

Я посмотрел на отца: в гулкой стылой часовне он сидел через два ряда, в первом ряду кресел. Большая его голова с седеющей каштановой шевелюрой тяжело нависала над твидовым пиджаком; на рукаве чернела повязка — дань трагизму случившегося. Уши неторопливо и ритмично шевелились — очень похоже двигались при ходьбе плечи у Джона Уэйна. Мой отец скрежетал зубами. Может, сердился на бабушку: для своих похорон она заказала религиозную музыку. Но вряд ли она это сделала ему назло. Скорее всего, ей просто нравилась месса, и бабушка не подозревала, что клерикальная сущность сего произведения так противна ее старшему сыну.

Слева от отца сидел Джеймс, мой младший брат. Впервые за несколько лет я видел его без плеера; ему было явно не по себе, и он теребил свою един-

ственную серьгу. Справа от отца восседала мать, худая и стройная. Она аккуратно заполняла собой черное пальто и служила постаментом такого же цвета шляпе в форме летающей тарелки. Вот НЛО резко накренился: мать что-то шепнула отцу. От этого движения во мне проснулась скорбь утраты. Должно быть, здорово сегодня чешутся родинки у безвременно ушедшей от нас бабушки, если она уже вернулась на этот свет в другом воплощении.

— Прентис! — Тетя Антонайна, которая сидела между мной и художественно храпящим дядей Хеймишем, потеряла меня за рукав и показала на мою ногу. Ее шепот и жест заставили меня глянуть вниз.

Нынче утром в доме тети и дяди, в холодной комнате с высоким потолком я облачился в черное. Скрипели половицы, изо рта шел пар. Мансардное оконце обледелено изнутри, и вид на Галланах застило кристаллическим узором. Я натянул черные трусы, специально из Глазго привезенные, белую рубашку (свежачок от «Маркса и Спаркса»; прохладный хрусткий хлопок еще хранил упаковочные складки) и черные «пятьсот первые». Сидя на кровати, я дрожал и пялился на две пары носков: черные и белые. Собирался надеть черные, но тут только сообразил, что какая, на хрен, разница, ведь поверх носков будут «мартенсы» — девять дырочек, две одинаковые пряжки на берце.

Когда я был здесь на предыдущих похоронах (они же — первые похороны в моей жизни), мне такой прикид казался вполне адекватным. Но сейчас в меня, повзрослевшего и образумившегося, вселились сомнения: а не буду ли я в «пятьсот первых», «мар-

тенсах» и черной байкерской куртке выглядеть белой вороной? Я вынул из сумки белые кроссы «найк», на пробу сунул в один ногу, другую сунул в ботинок, но шнуровать поленился. Стоя перед косо висящим зеркалом в полный рост, я дрожал и выдыхал белые клубы, а половицы скрипели, и из кухни пер запах жареного бекона и подгоревших гренок.

Пусть будут кроссовки, решил я.

И вот теперь в крематории я смотрел на них, и не нравились они мне. Задрипанные-заляпанные. На строгом черном граните пола часовни смотрелись, мягко говоря, не в тему.

Опаньки! Один носок черный, другой — белый! Я заерзал на сиденье, потянул штанины книзу, чтобы прикрыть свой позор.

— Мудила хренов! — прошептал я. — Ой!.. Пардон, тетя Тоуни.

Тетушка Антонайна — шар подкрашенных розовым волос над черным пеньком воротника, точно сахарная вата на катафалке, — похлопала меня по кожаной куртке.

— Пустяки, дружок, — вздохнула она. — Уверена, старушка Марго не обиделась бы.

— Это точно, — кивнул я.

Снова мой взгляд опустился на кроссовки. И только сейчас я заметил на носке правого отчетливый след протектора. Я закинул левый «найк» на правый и без особой надежды на успех потер черный «селедочный скелетик». И вспомнил, как полгода назад вывозил старушку Марго из дома и катил мимо надворных строений и дальше, по дорожке под кронами деревьев, к озеру и морю.

— Прентис, что там у вас с Кеннетом?

Двор был вымощен булыжником, инвалидное кресло кренилось и подпрыгивало.

— Мы поссорились, бабуля, — ответил я.

— Это я и сама вижу, чай, не дура.

Она оглянулась на меня. В серых глазах, как всегда, горел огонек бодрости. Волосы у нее тоже сделались серыми и здорово поредели. Между ветвями дубов проглянуло солнце, и я под седыми прядями увидел бледную кожу.

— Да, бабуля, знаю: вы умная.

— Ну и?.. — Она показала клюкой на постройки. — А давай-ка проверим, там ли еще тачка. — Бабушка Марго снова оглянулась на меня, и покати́л я кресло заданным курсом, к зеленым двустворчатым воротам одного из гаражей.

— Ну и?.. — повторила бабушка.

— Бабуля, тут дело принципа, — вздохнул я.

Мы остановились у ворот гаража, и она клюкой отодвинула засов и нажала на створку, да так, что слегка прогнулась планка. А затем, вонзив клюку в образовавшийся проем, налегла на нее и заставила двинуться вторую створку, стержень шпингалета которой проскрежетал по выточенной в бетоне канавке. Я чуть откатил кресло назад, позволяя створке распахнуться. В падающих через проем солнечных лучах кружились пылинки, а дальше было темно. Мне едва удалось различить чехол из тонкого зеленого брезента, криво натянутый на некий предмет высотой мне по пояс. Бабушка Марго

приподняла клюкой край чехла, а потом ухватилась за него и — откуда только силы взялись? — сдернула одним махом. Чехол упал с передка машины, и я вкатил кресло с бабушкой в гараж.

— Дело принципа? — Она наклонилась вперед, присматриваясь к длинному темному капоту автомобиля, и снова потянула чехол, открыв уже и лобовое стекло. С колесных дисков были сняты покрышки и камеры, машина стояла на деревянных брусках. — Что еще за принцип? Не бывать в доме твоего отца? В твоём родном доме?

— Бабуля, давайте лучше я.

Сдернув брезент, я откинул его на багажник, и теперь стало видно, что заднее стекло отсутствует.

В снопе лучей прибавилось кружащейся пыли, и этот пыльный свет превратил бабушку Марго в силуэт сидящего человека; ее редкая до прозрачности шевелюра светилась подобием нимба. Бабушка глубоко вздохнула. Я посмотрел на машину. Длинная, очень красивая, старомодная в лучшем смысле этого слова. Зеленая краска скрывалась под слоем пыли. Крыша над зияющим проемом заднего окна — в царапинах и вмятинах, как и оголенная часть крышки багажника.

— Бедолага, — прошептал я, сочувственно качая головой.

Бабушка Марго выпрямила спину:

— Ты про меня или про нее?

— Бабуля...

Я запнулся, смекнув, что она меня видит очень хорошо, потому что солнце светит ей в спину. А я

лицезрел лишь темный силуэт — разность между светом и мраком.

— Да ладно. — Она успокоилась и ткнула в колпак колеса палкой. — Так что там за глупые принципы?

Я отвернулся, провел пальцами по хромированной стальной полоске на задней дверце.

— Ну... папа на меня разозлился: я ему сказал, что верую... Ну, в Бога, типа того. — Я пожал плечами, не осмеливаясь взглянуть на бабушку. — Он теперь со мной не... Точнее, я теперь с ним не... Мы друг с другом не разговариваем, и я не бываю в доме.

Бабушка Марго поцокала языком:

— Вот так, да?

Я все-таки глянул на нее и кивнул:

— Так, бабуля.

— А как же отцовские деньги? Как же твое содержание?

— Ну...

Я замолчал: не знал, что и сказать.

— Прентис, на что же ты живешь?

— Да все у меня отлично, — солгал я. — Стипендии хватает. — Это я снова соврал. — К тому же мне дали грант. — Опять врака. — Да еще в баре подрабатываю.

Четвертая ложь кряду! В бар мне устроиться не удалось, и я продал свою «сиесту». Это такой «фордик»-невеличка, леноватый при разгоне с места. Покупатели намекали, что он убитый, а я спорил: фигня, тачка гаражная, просто гараж прохудился. Впрочем, тех денег давно след простыл.

Бабушка Марго долго вздыхала и качала голо-

вой. И укоризненно бормотала: «Ох уж эти мне принципы».

Она сама поехала вперед, но кресло тут же забуксовало на брезенте.

— Ты мне не поможешь?

Я подошел сзади, перекатил кресло через скомканный брезент. Бабушка открыла заднюю дверцу и заглянула в темный салон. Пахнуло тронутой плесенью кожей — мне этот запах напомнил детство, пору, когда в мире еще жило волшебство.

— Когда я в последний раз сексом занималась, это было здесь, на заднем сиденье, — мечтательно проговорила бабушка и оглянулась на меня. — Прентис, не надо так смущаться.

— А я и не...

— Все в порядке, это было с твоим дедом. — Худенькой рукой она похлопала по крылу машины и с улыбкой тихо добавила: — После танцев. — Бабушка снова посмотрела на меня, на морщинистом породистом лице — веселье, глаза блестят. — Прентис, да ты покраснел!

— Извините, бабуля, — ответил я. — Просто... ну... когда тебе не очень много лет и кто-то...

— Проехали! — Она захлопнула дверцу, и новая орда пылинок устроила себе дискотеку. — Прентис, все мы когда-то были молоды, и счастливы те из нас, кому удалось состариться.

Она покатила назад, колесо наехало на носок моей новой кроссовки. Я приподнял кресло и помог бабушке закончить маневр, а потом повез ее к двери. Там и оставил, а сам вернулся к машине, чтобы накинуть чехол.

— Между прочим, кое-кто из нас бывает молод дважды, — прозвучало из ворот. — Когда ты в ма-разме, без зубов, не держишь мочу и лепечешь, как младенец...

Она задумчиво умолкла.

— Бабуля, я вас умоляю!..

— Прентис, да не будь ты таким нежным. Стареть — это же просто здорово. Что на уме, то и на языке, и все тебе прощается. Конечно, родителей мучить — тоже удовольствие неслабое, но я от тебя ожидала большего.

— Ну извините, бабуля.

Я закрыл ворота гаража, стряхнул пыль с ладоней и снова занял свое место позади кресла. На кроссовке маслянисто чернел отпечаток колеса. Я покатил бабушку к дорожке, а вороны на ближайших деревьях подняли грай.

— «Лагонда».

— Что, бабушка?

— Машина. Это «лагонда-рапид-салун».

— Да. — Я улыбнулся сочувственно, пользуясь тем, что она этого не видит. — Да, знаю.

Мы выехали со двора и с хрустом покатали по гравийной тропинке к искрящимся водам озера. Бабушка Марго мурлыкала какой-то мотивчик; судя по голосу, она была довольна. Может, вспоминала тот перепихон на заднем сиденье «лагонды»? Я-то хорошо помню аналогичный случай из своей жизни — это было на таком же растрескавшемся, скрипящем, душистом чехле. Между прочим, первый мой половой акт — и было это через несколько лет после бабушкиного финального полноценного полового акта.

Такое в нашем роду случается.

— Леди и джентльмены, уважаемые родственники покойной! С одной стороны, как вы все, несомненно, понимаете, я не переживаю душевного подъема, стоя перед вами в столь тяжелую минуту, но, с другой стороны, я горжусь и почитаю за честь, что именно ко мне обратились с просьбой выступить с речью на похоронах моего дорогого клиента, горячо любимой Марго Макхоун...

Это бабушка упростила нашего семейного адвоката Лоуренса Л. Блока выступить на ее проводах в мир иной с традиционным спичем. Он худой, как карандаш, и тупой, каким только карандаш и бывает; он долговяз и, несмотря на солидный возраст, все еще броско черноволос. Мистер Блок у нас превеликий модник, вот и сейчас он разодет в пух и прах: темно-серый двубортный костюм и невыразимая фиолетовая жилетка, дизайнер которой вдохновлялся, должно быть, изысканиями Мандельброта (впрочем, если не судить строго, узор можно было счесть пейслийским). В мелком жилетном кармашке притоплены золотые карманные часы с маленькую сковородку величиной, от них тянется цепь — на такой только сухогрузы буксировать.

Мистер Блок всегда напоминал мне цаплю. Почему — сам не знаю. Может, дело в какой-то хищной неподвижности, а может, в ауре — ауре человека, знающего, что время на его стороне. Отчего-то мне казалось, что в похоронно-кладбищенской обстановке он себя чувствует до странности комфортно.

Я сидел и слушал адвоката и вскорости задумался: а) почему бабушка Марго выбрала Блока для выступления на ее панихиде, б) пришлет ли он нам счет за эту услугу и в) кого еще из родственников покойной посетили такие же мысли.

— ...Долгая история рода Макхоун в городе Галланах, рода, принадлежностью к коему она так гордилась и для коего... для коего так много пользы принесла на протяжении своей долгой жизни, отдаваясь этому занятию со всей присущей ей целеустремленностью. Мне посчастливилось знать и Марго, и ее последнего мужа Мэтью и оказывать им услуги, а с Мэтью мы были знакомы еще с двадцатых годов, когда вместе учились в школе и были друзьями. Я прекрасно помню...

* * *

— Бабуля! Ну и ну!

— Что?

Бабушка глубоко втянула дым «данхилла», взмахом кисти закрыла медную зажигалку «зиппо» и возвратила ее в кармашек кардигана.

— Бабуля, вы курите!

Бабушка кашлянула и пустила в меня струю дыма, закрыла его сизой ширмой свои пепельные глаза.

— Ну да, курю. — Она поднесла к глазам сигарету, присмотрелась к ней, затем сделала еще затяжку. — Мне всегда хотелось курить, — объяснила она и перевела взгляд на холмы и деревья на том берегу озера.

По прибрежной тропинке вдоль Пойнтхауса я прикатил ее к древним пирамидам из камней. Сел на траву. Вода была подернута рябью от ветерка. На распахнутых крыльях парили чайки, а вдали изредка тревожили воздух легковушки и грузовики, с ленивым утробным рыком выскакивая из чрева горы на шоссе между деревьями или исчезая в туннеле.

— Хильда курила, — тихо произнесла бабушка, не глядя на меня. — Это моя старшая сестра. Она курила. И мне всегда хотелось.

Я сгреб пригоршню камешков с тропинки — бросать их в волны, что лизали скалу в метре под нами, почти у верхней приливной кромки.

— Только твой дед мне не позволял, — вздохнула бабушка.

— Бабуля, но вам же вредно, — запротестовал я.

— Знаю, — подтвердила она с широкой улыбкой. — Может, потому, когда умер дед, и не стала курить: врачи сказали, что это уже вредно. — Она рассмеялась. — Но мне теперь семьдесят два, и плевать я хотела.

Я утопил еще несколько камешков.

— Но ведь для нас, молодежи, это не слишком хороший пример.

— Прентис, уж не пытаешься ли ты мне внушить, что нынешняя молодежь ждет примера от стариков?

— Ну... — состроил я гримасу.

— Если это так, то вы — первое поколение от сотворения мира, которое так поступает. — Она затянулась табачным дымом; на ее лице читалась откровенная насмешка. — Лучше делайте все то, чего